

Западня для профессора

Как борец за нравственность студентов начала XIX века потерпел фиаско

Инга Томан

Ветреным солнечным сентябрьским днем Казань загорелась. Пламя, подобно разъяренному бесформенному чудовищу, жадно пожирало дом за домом. По улице бежал, задыхаясь, пожилой господин. «Мои книги, мои рукописи!» – кричал он отчаянно. Его обогнало несколько молодых студентов Казанского университета. Они ворвались в один из горящих домов и, несмотря на уговоры и крики собравшей толпы, стали спасать вещи своего профессора. Через несколько секунд после того, как последний из смельчаков выскочил на улицу, деревянные перекрытия рухнули. Тот, кто столь счастливо избежал страшной участи, протянул подоспевшему профессору тетрадь в черном кожаном переплете «Спасибо», – сказал тот дрогнувшим голосом и, обняв отважного студента, разрыдался.

Сжечь или не сжечь?

Вечером того же дня профессор Франц Ксаверий Броннер сидел в своем рабочем кабинете в Казанском университете и, горестно вздыхая, приводил в порядок мздами обгоревшие рукописи. Внезапно ему на глаза попала уже знакомая нам тетрадь в черном переплете. Профессор взял ее в руки, и, медленно перевернув, погрузился в раздумья. «Сжечь или не сжечь?» – проговорил он. – Ведь какие, в сущности, самоотверженные и великодушные люди эти студенты. А что я здесь о них понаписал? Но ведь я писал правду...»

Наконец, стяхнув с себя остаток малодушия, он твердо произнес: «Нет. Кошунственно было бы уничтожить эту тетрадь, спасенную отважным студентом с риском для жизни». С этими словами он, обмакнув перо в чернильницу, сделал в тетради очередную запись: «3 сентября 1815 года. Сегодня страшный пожар уничтожил более чем половину Казани. Студенты вынесли из пламени и эту тетрадь вместе с моими вещами».

Что же повергло профессора в столь тяжкие сомнения, и почему он хотел предать огню только что спасенную тетрадь? Воспользовавшись тем, что господин Броннер задремал, утомленный треволнениями прошедшего дня, тихонько перелистали ее страницы...

«Я решил наблюдать...»

«13 сентября 1814 года к великому моему огорчению заметил я Чхейзе в объятиях его товарища Дерберти. Заметив меня, они отпрянули друг от друга, но за моей спиной продолжали шутить и смеяться. Я сделал им строгий выговор и удалил Чхейзе из спальни Дерберти».

15 сентября 1814 года подверглись от меня порицанию Тиранов и Щелудко за пьянство во время завтрака, устроенного младшими студентами в честь старших, но ввиду некоторого прилежания я простил им».

Ректор, выслушав мое сообщение о лени и двусмысленном поведении Дерберти, поручил мне объявить ему, что если он не образумится, то будет исключен из университета, причем ректор не станет впредь выслушивать ходатайства его покровителей.

26 сентября 1814 года магистр Юнаков передал мне записку, в которой помещалась жалоба Тиронова на Николаева, Филипповского, Кожевникова и Пивоварова, бивших его розгами 25 сентября. Я решил самым тщательным образом наблюдать за нравственностью студентов, обходя каждые два часа их спальни и делая внушения провинившимся».

О том, как восприняли студенты данное намерение, мы узнаем чуть позже, а пока давайте поближе познакомимся с этим неутомимым Францем Ксаверием Броннером, самоотверженно пытавшимся сочетать научную и преподавательскую деятельность с «наблюдениями за нравственностью» в общежитии Казанского университета.

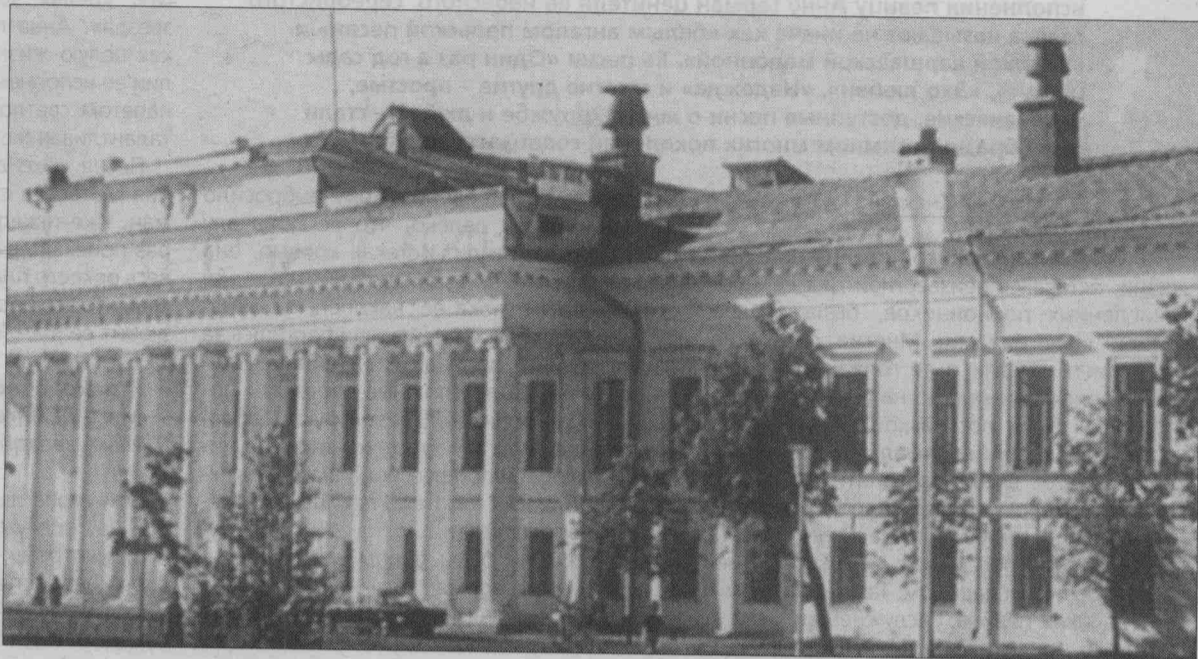
Беглый монах

Франц Ксаверий Броннер родился в 1758 году в Баварии в семье бедного ремесленника. В детстве он отличался блестящими способностями к наукам, неумной любознательностью и в то же время – глубокой религиозностью. Уйти от суеты и скуки повседневной жизни, посвятить себя Богу и познанию созданного мира – об этом мечтал бледный, худой, не по годам серьезный подросток, греясь долгими зимними вечерами у печи, в которой его отец обжигал кирпичи.

После окончания католической школы Франц поступил в иезуитскую коллегию в Диллингене, а в 26 лет, окончательно решив посвятить себя Богу, стал монахом Бенедиктинского ордена.

В монастыре Франц продолжал заниматься самообразованием: помимо богословия, он изучал физику, механику, математику, философию, музыку и поэзию. Казалось бы, он обрел жизнь, о которой мечтал. Однако вскоре молодой монах понял, о чем он забыл, когда так страстно стремился в обитель, – о смирении и покорности. Он был исполнен возвышенных мыслей о Боге, о служении науке и человечеству, но совсем не думал о том, что в монастыре ему придется подчиняться мелочной, порой бессмысленной, с его точки зрения, дисциплине и беспрекословно повиноваться людям, которых он не мог уважать. Верный монашескому обету, Франц восемь лет пытался привыкнуть к монашеской жизни и обуздать греховную гордыню. Но потом не выдержал и в 34 года бежал из монастыря в Цюрих, где мог не опасаться неприятностей со стороны духовных властей.

Однако конфликт с католической церковью, сыном которой он себя считал, не давал ему покоя. После многих хлопот ему удалось добиться у самого Папы Римского освобождения от монашеского обета и тем самым официально примириться с церковью. Через некоторое время он даже поступил на службу библиотекарем в монастырь, из которого бежал, и стал готовиться к должности священника, но затем окончательно понял, что духовный сан – не для него. Вторично покинув монастырь, Броннер вернулся в полубившуюся ему Швейцарию и поселился в городке Аарау, где стал учителем в местной школе.

Писать воспоминания было рано

Казалось, все треволнения остались позади. Броннер успокоился, остепенился. Бывший монах преподавал детям естествознание, а на досуге писал мемуары, вышедшие в свет, когда автору не было и сорока. Со временем, однако, оказалось, что подводить итоги Броннер явно поторопился. Спустя 13 лет его, пятидесятидвухлетнего учителя швейцарской кантонной школы, пригласили на должность профессора физики Казанского университета, и он, неплохо отдохнувший в швейцарской патриархальной глуши, вдруг захотел начать новую жизнь. Он опять был полон энергии и жаждал перемен – как в те далекие годы, когда бежал в мир из тихой обители.

Итак, в 1810 году Франц Ксаверий Броннер стал профессором Казанского университета, спустя два года – назначен директором только что созданного Педагогического института при Казанском университете, а затем – инспектором студентов, в обязанности которого входило «надзирать за нравственностью студентов», обучавшихся за казенный счет и живших при университете. Броннер взялся за порученное дело со свойственной ему добросовестностью. Столкнувшись с возмутительным поведением студентов, профессор решил во что бы то ни стало искоренить порок, и установил неусыпный контроль за распоясавшимися недорослями, которые невзлюбили назойливого немца. Когда же старый зануда, как привеление, в шлафроке и ночном колпаке, стал появляться в самое неподходящее время в спальнях, бесцеремонно прерывая ночные развлечения и забавы, студенты потеряли терпение и от глухого ропота перешли к действиям.

Итак, война была объявлена. Однако профессор оказался не робкого десятка. Он принял вызов и невозмутимо продолжал выполнять свои обязанности, педантично фиксируя в дневнике ход «военных действий». Обратимся же к его записям.

«Студенты устроили эту западню»

«5 октября 1814 года неизвестно, кто из студентов бросил в меня сзади кусок хлеба; я притворился, что не заметил. Вечером я застал младших студентов пляшущими под звуки гитары. Я не запретил им, ибо не следует чрезмерно стеснять проявления юношеской веселости».

Казанский университет. В этом университете преподавали многие известные немецкие профессора: Н.П. Вагнер, П.Ф. Лесгафт, Х.Д. Френ, К.Ф. Фукс, а также герой нашего очерка – Франц Ксаверий Броннер (1758–1850), дневник которого является интереснейшим источником о быте и нравах студентов начала XIX века.

7 октября 1814 года ночью, при входе в садовую калитку, я был легко ранен в лоб и очень сильно – в плечо обрушившимися брусками калитки, камнями и цветочными горшками, наполненными землей. Студенты устроили эту западню».

29 октября 1814 года Красицкий жаловался на студентов Дароберти и Дахтина, которые на лекции бросали в него шариками из жеваной бумаги».

5 ноября 1814 года прибегает ко мне магистр Булыгин с жалобами, что студент Николаев пьян с самого раннего утра, что не в состоянии держаться на ногах».

6 ноября 1814 года явился ко мне Николаев, признал себя виновным и прослезился после того, как я наглядно продемонстрировал ему важность его поступка. В наказание я лишил его трех обедов».

16 декабря 1814 года Веригин нанес удар кулаком служителю за то, что последний приблизился к нему в то время, как он по секрету разговаривал с товарищем. Я выразил порицание Веригину».

19 апреля 1815 года Бабановский высек по голому телу крапивой 10-летнюю дочь служителя при астрономической обсерватории. Бабановский за свой проступок посажен в карцер на три дня»...

И так далее, и тому подобное.

Чему улыбнулся профессор

После достопамятного пожара 3 сентября 1815 года профессор долго не мог оправиться от чувства умиления и не открывал свою хронику, спасенную юным героем. Что касается студентов, то они, совершив акт великодушия по отношению к противнику, «военные действия» не прекратили и более того – демонстративно попирали нравственные устои и приличия. В конце концов, терпение профессора лопнуло. Он вступил в борьбу с прежней решимостью и возобновил свои записи».

«10 апреля 1816 года, посещая спальни студентов, увидел на кровати Базилева сидящую женщину. Возбужденный гневом, я вытолкнул ее из спальни, ударив».

17 мая 1816 года профессор Солнцев жаловался на то, что студенты ходят по городу в пьяном виде и что их забирает полиция».

8 июня 1816 года. Сегодня принесли мне жалобу на Знобишина, Парначева и Беляева за то, что, бегая по улицам, они ругали сторожей и бросали в них камнями».

9 октября 1816 года магистр Юнаков сообщил со слов служителя, что студенты собираются побить меня. Я улыбнулся».

3 декабря 1816 года Попов, Беляев и Сигунов били кулаками по голове крепостного какого-то дворянина».

19 апреля 1817 года я посадил в карцер студента Базилева за то, что с шумом войдя в аудиторию, когда уже началась лекция, он немедленно вышел из нее и гулял по коридору с товарищами».

29 июня 1817 года прибегает ко мне служанка профессора Брейтенбаха с жалобой на студента Базилева за то, что он стал приставать к ней, но когда она отказала ему, надавал ей пощечин».

«Возвращайтесь скорее, дорогой профессор!»

Сделав очередную запись, профессор с шумом захлопнул тетрадь и впервые за семь лет написал ректору прошение об отпуске, который он хотел провести в Швейцарии. Ректор нехотя согласился, и через несколько дней кибитка профессора Броннера тронулась в путь. «Возвращайтесь скорее, дорогой профессор», – дружно кричали студенты».

Хочется надеяться, что строгие наши читатели не осудят профессора Броннера за то, что выйдя на балкон своего покинутого семь лет назад дома и взглянув на горы, озаренные последними лучами заходящего солнца, он тихо, но твердо сказал: «Не вернусь». Затем он сел за стол и написал ректору Казанского университета прошение об увольнении».

Последние 33 года своей жизни Франц Ксаверий Броннер почти безвыездно прожил в Арау, где служил кантонным архивариусом и библиотекарем. Умер он в 1850 году, в возрасте 92-х лет. Незадолго до кончины он подарил городу свою библиотеку, значительная часть которой была спасена студентами Казанского университета. Теми самыми, которых профессор Броннер безуспешно пытался наставить на путь истинный».